DOI: https://doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-1-114-128
УДК 94(450).092

РАЗВИТИЕ СТЕРЕОТИПА О «РЫЦАРСТВЕ» МЕНЕЛИКА II В РОССИЙСКОЙ КОНСЕРВАТИВНОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ ИТАЛО-ЭФИОПСКОЙ ВОЙНЫ 1895-1896 ГГ.

И. Т. Шатохин*,
М. О. Шашков
Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Ул. Студенческая, д. 14, Белгород, Россия

Аннотация.
Введение. В статье рассматривается развитие стереотипа в российской консервативной прессе о «Рыцарстве» Менелика II во время первой итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. В работе учитывается влияние европейской культуры на формирование рассматриваемого стереотипа. **Материалы и методы.** Авторы опирались, в основном, на материалы газеты «Новое время», гораздо менее значимым источником выступил журнал «Русский вестник», как наиболее значимые консервативные издания, уделявшие внимание зарубежной политике. Привлекалась официальная правительственная газета «Русский инвалид» для демонстрации позиции итальянского правительства. Методологической основой исследования является методология исторической имагологии и, соответственно, ее понятийный аппарат (образ и стереотип). **Результаты**. Было выделено три этапа существования стереотипа о «Рыцарстве»: 1) с поражения итальянских войск в битве при Амба-Алаги 7-8 декабря 1895 года до сдачи итальянцами крепости Мэкэле 21 января 1896 года; 2) с момента занятия крепости Мэкэле эфиопскими войсками до битвы при Адуа 1 марта 1896 года; 3) с поражения при Адуа до заключения мирного договора в Аддис-Абебе (последняя рассматриваемая публикация приходится на 27 ноября 1896 года). Ключевыми составляющими стереотипа являлись три качества Менелика II (миролюбие, милосердие и цивилизованность), трансформация которых была прослежена в публикации. Миролюбие заключалось в стремлении императора Эфиопии прекратить войну и избежать жертв, во второй этап к этим идеям добавилось представление об особой христианской любви государя к врагу, а в третий – условия мира, предлагаемые Менеликом II, трактовались как почетные и справедливые. Милосердие не играло большой роли на первом этапе, но приобрело большое значение во второй и третий, когда Негус-негести отпустил итальянских солдат из крепости Мэкэле и заботился о пленных после поражения итальянцев в битве при Адуа. Фактор цивилизованности, хотя и прослеживается в первый и второй этап, но ключевое значение приобрел в третий, когда журналисты начали переносить высокие качества императора Эфиопии на его подданых.

Ключевые слова: Менелик II, Первая итало-эфиопская война 1895-1896 гг., стереотип, Италия, Россия, Эфиопия, Рыцарь.
Для цитирования: Шатохин И. Т., Шашков И. В. (2025). Развитие стереотипа о «рыцарстве» Менелика II в российской консервативной периодической печати в период Первой итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. // История: факты и символы. № 1 (42). С. 8-18. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-1-114-128
Статья поступила: 20.12.2024
Статья принята в печать: 20.01.2025
Статья опубликована: 18.03.2025
*Ответственный автор
© Шатохин И., Шашков М., 2025

THE DEVELOPMENT OF THE STEREOTYPE OF MENELIK II'S ‘CHIVALRY’ IN THE RUSSIAN CONSERVATIVE PERIODICAL PRESS DURING THE FIRST ITALO-ETHIOPIAN WAR OF 1895-1896

I. T. Shatokhin*,
M. O. Shashkov
Belgorod State National Research University
St. Studencheskaya, 14, Belgorod, Russian Federation

Annotation.
Introduction. The article examines the development of a stereotype in the Russian conservative press about Menelik II's "Chivalry" during the first Italo-Ethiopian War of 1895-1896. The work takes into account the influence of European culture on the formation of the stereotype in question. **Materials and methods.** The authors relied mainly on the materials of the newspaper ‘Novoe Vremya’, a much less significant source was the journal ‘Russky Vestnik’, as the most significant conservative publications that paid attention to foreign policy. The official governmental newspaper ‘Russky Invalid’ was also involved to demonstrate the position of the Italian government. The methodological basis of the study is the methodology of historical imagology and, accordingly, its conceptual apparatus (image and stereotype). **Results**. Three stages of the existence of the stereotype about ‘Knighthood’ were distinguished: 1) From the defeat of Italian troops at the Battle of Amba-Alagi on 7-8 December 1895 to the surrender of Makkale Fortress by the Italians on 21 January 1896; 2) from the occupation of Makkale Fortress by Ethiopian troops to the Battle of Adua on 1 March 1896; 3) from the defeat at Adua to the peace treaty in Addis Ababa (the last publication on 27 November 1896). The key components of the stereotype were the three qualities of Menelik II (peacefulness, mercy and civility), the transformation of which was traced in the publication. Peacefulness consisted in the Ethiopian emperor's desire to end the war and avoid casualties, in the second stage the idea of the sovereign's special Christian love for the enemy was added to these ideas, and in the third stage the terms of peace offered by Menelik II were interpreted as honourable and just. Charity did not play a major role in the first phase, but gained importance in the second and third, when Negus negusti released the Italian soldiers from the fortress of Maccale and took care of the prisoners after the Italians' defeat at the battle of Adua. The factor of civility, though traceable in the first and second phase, gained key importance in the third when journalists began to transfer the high qualities of the Ethiopian emperor to his subjects.

Keywords: Menelik II, The First Italo-Ethiopian War of 1895-1896, stereotype, Italy, Russia, Ethiopia, Knight.
For citation: Shatokhin I. T., Shashkov M. O. (2025). The development of the stereotype of Menelik II's ‘chivalry’ in the Russian conservative periodical press during the first Italo-Ethiopian war of 1895-1896 In *History: facts and symbol*s, 1 (42), 8-18. doi.org/10.24888/2410-4205-2025-42-4-114-128
Received: 20.12.2024
Revised: 20.01.2025
Published: 18.03.2025
* Responsible author
© Shatokhin I. T., Shashkov M., 2025

1. Введение

Российская общественность достаточно пристально следила за ходом первой итало-эфиопской войны 1895-1896 гг., что мы можем проследить по материалам газет и журналов. Часть общества, читающая консервативную прессу (в контексте данного исследования, газета «Новое время» и журнал «Русский вестник»), особенно интересовали данные события. И, естественно, что в этот период у читателей формировался определенный образ противостоящих

сторон, который, в свою очередь, состоял из некоторых стереотипов. В данной работе поставлена цель проследить развитие одного из ключевых стереотипов об императоре Эфиопии Менелике II в российской периодике с начала войны до заключения мирного договора в Аддис-Абебе.

2. Материалы и методы

Авторы опирались на консервативные издания: газету «Новое время» и журнал «Русский вестник». Они были выбраны, потому что «Новое время» среди газет имело наибольший тираж, а «Русский вестник» относится к числу самых авторитетных консервативных «толстых» журналов.

В статье применялся понятийный аппарат исторической имагологии. В основе всех имагологических исследований лежит изучение образа, который принимается нами в определении А. С. Поршневой как «сложившийся на определенном историческом этапе образ во всем многообразии его понимания (народа, страны, группы людей, конкретной личности, организации, исторического процесса и явления и т.д.), который имеет некую значимость для исторической науки. Это сложная, синтетическая категория, представляющая собой динамическую систему представлений и мнений, обладающую как стереотипными, так и дифференцированными чертами, как рациональными, так и эмоциональными компонентами» [1, с. 128].

Особенностью имагологических исследований, изучающих некий политический образ и основанных на периодической печати, является неустойчивость стереотипа, в рамках которого оценивается то или иное явление. Если этностереотипы удерживаются в обществе довольно долго и редко подвергаются глобальным изменениям [2, с. 30], то политические стереотипы могут претерпевать значительные изменения в связи с изменениями политической обстановки как внутри объекта восприятия (оцениваемого), так и субъекта (оценивающего) [3, с. 172].

3. Результат

Формирование образа Менелика II в российской печати было тесно связано с развитием европейской культуры и ее актуальными тенденциями. Так, важной составляющей образа Негуса-негести (царя царей) Эфиопии стал уже сформировавшийся во второй половине XIX века образ «Рыцаря», характерными чертами которого были благородство, милосердие, сострадание и справедливость. Как указывает Е. И. Орлова, обращение к тематике рыцарства в европейской культуре пришлось на период романтизма, когда произошла рецепция образа рыцаря, как справедливого и благородного воина. Рыцарь стал ответственным в массовом сознании за «спасение мира» и «поддержание справедливости», зависящее «от добродетелей людей благородного звания» [4, с. 58]. В этом плане крайне интересно, что таким высоким «европейским» статусом наделен государь африканской страны, в которой исторического института рыцарства никогда не существовало. Этот стереотип в характеристике Менелика II показывает крайне дружественное отношение части европейской общественности к деятельности Менелика и его народа. В процессе своего развития этот стереотип дополнялся новыми смыслами.

Прежде, чем перейти к рассмотрению трансформации данного стереотипа в российской периодике, стоит сказать, как представляли итальянцы своего врага. Так как именно из Италии шел основной массив (но не весь) сведений об Эфиопии во время войны, то итальянский официоз старался представить эфиопов и их императора в негативном свете. Проследить этот негативный образ можно по газете «Русский инвалид», бывшей тогда главной газетой военного министерства Российской империи. В ней перепечатывали сведения об итало-эфиопском конфликте в основном из итальянских проправительственных газет и не уделялось особого внимания оппозиционной прессе, вплоть до отставки премьер-министра Италии Франческо Криспи 10 марта 1896 года.

Итальянская проправительственная печать старалась представить ситуацию так, что власть Менелика слаба и нестабильна, войско разобщено, а его собственные расы (князья) отказываются ему подчиняться. Ситуация доводилась до некоторого абсурда, что даже природа была против Менелика – в номере от 8 октября приводилась информация о том, что «в палатку,

где находился Менелик, ударила молния, вследствие чего Менелик онемел» [5]. Основной поток информации, дискредитирующей сторону противника, пошел после первого поражения итальянцев при Амба-Алаги 7-8 декабря 1895 года. Во-первых, сообщалось, что потери противника в разы больше, тогда как сами итальянцы понесли меньший урон в живой силе, что подчеркивали постоянно [6, 7, 8, 9, 10, 11]. Во-вторых, указывали, что Менелик не может контролировать ситуацию в стране и его же расы восстают против него и именно поэтому он хочет заключить мирный договор как можно быстрее [10, 12, 13].

Крайне интересно, как итальянцы старались представить осаду Мэкэле Менеликом. Если в русской консервативной прессе указывали на благородство Менелика, то правительственная печать Италии представляла эфиопов в негативном свете, как народ алчный. Яркий пример этого можно обнаружить в номере от 4 января 1896 года: «Для возбуждения шоанцев (обобщенное название эфиопов в тогдашней печати) был пущен слух, что в Макале хранятся большие сокровища. Рассказывают, что супруга Менелика, Таиту, намеревалась лично вести войска в атаку…» [14]. Кроме этого, в правительственной печати Италии эфиопы представлялись варварским, диким народом, что, в целом, характеризует отношение тогдашней Европы к народам неевропейским, в том числе и к эфиопам. На фоне такого отношения к иным народам формировался стереотип о «Рыцарстве» Менелика.

Также стоит указать истоки стереотипа о «Рыцарстве» в данном контексте. В номере «Русского инвалида» от 19 января 1896 года можно обнаружить одно из первых упоминаний «рыцарства» Менелика, которое приходится на период осады крепости Мэкэле войсками эфиопов. Так, российский автор ссылался на точку зрения газеты будущего премьер-министра Антонио Старабба де Рудини «Opinione» в вопросе отношения к войне в Африке: «Иначе смотрит на дело «Opinione», которая, признавая **рыцарские** *(выделено авторами – И. Т. и М. О)* качества неприятеля, замечает, что события под Макале свидетельствуют об искренности желания Менелика заключить мир» [15]. Все упоминания о «Рыцарстве» Менелика приходятся также на январь, но появляются после итальянских публикаций, что говорит о заимствовании отечественной печатью этого стереотипа в описании Негуса-негести.

Рассматривая эту публикацию в «Opinione», можно выделить одну из главных составляющих стереотипа о «Рыцарстве» в периодической печати – стремление к скорейшему заключения мира. Так, основываясь на миролюбии Менелика, можно выделить первый этап жизни «рыцарского стереотипа», который характеризуется тем, что само слово «Рыцарь» еще не упоминается авторами в отношении Негуса-негести, но формируется положительный образ Менелика как миролюбивого государя. Данный этап можно вывести от поражения итальянских войск в битве при Амба-Алаги до сдачи Мэкэле 21 января 1896 года.

Первые известия о поражении итальянских войск в битве при Амба-Алаги публикуются в «Новом времени» 11 декабря. В них был дан минимум информации о сражении без каких-либо значимых оценочных суждений [16]. Уже через неделю, 18 декабря, «Новое время» перепечатало диалог из газеты «Temps» с неким неизвестным европейцем, который послан был Менеликом в Европу, чтобы представить точку зрения Эфиопии. Данный посланник заявлял, что Менелик не хочет войны, а просто стремится защитить свои земли и даже не желает захватывать итальянскую Эритрею, а поражение при Амба-Алаги было неизбежным, так как итальянскую сторону предупреждали заранее. В качестве крайне яркого комментария, который отражает позицию автора «Нового времени», служит такое дополнение к этой новости: «Нельзя отказать всем этим заявлениям в полнейшем благоразумии и совершенной сдержанности» [17]. Так как эта позиция, во многом, соотносится с реальной позицией Эфиопии в той войне, то можно предположить, что этим неизвестным европейцем мог выступать инженер Ильг, который позже часто выступал как представитель Эфиопии в европейской печати.

Иная позиция была представлена в российской печати по отношению к итальянской политике: если Менелик ведет оправданную войну, но даже при этом желает мира, то премьер-министр Италии Франческо Криспи приводит свое «Отечество в полное экономическое разо-

рение» [18] своими воинственными планами завоевания Эфиопии. Параллельно «Новое время» печатало речь одного из главных противников тогдашнего премьера Италии – Антонио Старабба де Рудини [19]. В ней высказана позиция, с которой был согласен автор газеты, что политика Криспи не ставит своей целью умиротворения региона, а только «расширить итальянские владения в Восточной Африке» [19]. Подвергался резкой критике и Уччальский договор [см. 20], как несправедливый и «основанный на двусмысленности» [19], что делает претензии против него Менелика и его сопротивление итальянским войскам обоснованным.

После этих публикаций наступило долгое затишье, пока не началась осада Мэкэле (первая публикация об осаде 26 декабря 1895 года). Новая «волна» статей начинается с 15 января следующего года, где в статье «На театре войны итальянцев с абиссинцами» некоего «А. К.» подвергалась резкой критике итальянская официальная версия происходящего в Африке. Указывалось, что власть Менелика над его расами стабильна как никогда, в то время как положение итальянцев ослабло, высмеивалась история со смертью Менелика от удара молнии. Особую роль играет насмешка над тем, что те, кого итальянцы представляли в виде «дикарей» сейчас громят их передовые отряды, а «пресловутая «дикость» абиссинцев покуда выразилась лишь в том, что они хоронили убитых в бою итальянских офицеров со всеми подобающими им воинскими почестями» [21]. Так, мы видим, некоторые элементы «рыцарского стереотипа» (хотя цивилизованность эфиопов как часть этого стереотипа будет иметь большее значение позже) постепенно переходят с императора на его народ.

В публикации за 24 января, за день до номера, где было объявлено о сдаче крепости Мэкэле итальянцами, приводится информация, что Менелик вновь просил мира, и практически вся итальянская общественность солидарна с ним в этом стремлении, но единственным препятствием является Франческо Крсипи, как уверяет автор [22].

Таким образом, первый этап существования «рыцарского стереотипа» в российской консервативной печати характеризуется тем, что именно слово «Рыцарь» еще не используют, но появляются некоторые ключевые составляющие этого стереотипа – миролюбие, цивилизованность и уважение к противнику (пусть и мертвому). В противовес этому, Италия, а конкретно ее премьер-министр Франческо Криспи, представляются негативно – за стремление к несправедливой войне и попытку очернить Менелика и его народ. Особый интерес представляет то, что в этот, условно, «предрыцарский» этап жизни стереотипа Менелик уже предпринимает попытки самостоятельно формировать свой образ для европейцев через своих доверенных лиц и работу с периодической печатью, чтобы вызвать сочувствие и поддержку своему делу. Такая политика Менелика является одним из примеров включения Эфиопии в европейский порядок (вестернизации) в конце XIX века [23, с. 102.].

В следующем этапе жизни стереотипа уже явно фигурирует тема «Рыцарства» Менелика, а оценки, которые возникли раньше, усиливаются. Этот этап идет от сдачи Мэкэле до поражения итальянских войск в битве при Адуа 1 марта 1896 года. Характерной для него чертой является рост в печати яркого противопоставления «Рыцаря» Менелика и «Злого гения» [24] Франческо Криспи.

Первая публикация данного периода приходится на 26 января, то есть через два дня после того, как пришли первые сообщения о сдаче Мэкэле. Благодаря ей, читатели узнали, что Менелик, захватив форт, отпустил итальянских солдат в их лагерь, не забрав снаряжение, а также обеспечил им безопасную дорогу. Император представлял это как «знак уважения абиссинцев к итальянцам и желание заключить мир» [25]. Этот целенаправленный шаг Менелика внес огромный вклад в формирование образа «Рыцаря». Такой ход со стороны Менелика трактовался как однозначный знак того, что можно будет достичь мира, но единственным препятствием является Франческо Криспи, «Злой гений Италии» [25] и «старый честолюбец» [26]. Реакция на такой поступок Негуса-негести не заставила себя долго ждать, и уже в номере за 27 января автор рассуждал о «чисто **рыцарском** образе поведения» *(выделено авторами – И. Т. и М. О)* Менелика и его военачальника раса Мэконнына [26].

В последующих публикациях идея миролюбия Менелика дополняется новыми смыслами. В номере за 28 января автор представлял читателю мнение разных оппозиционных газет и политиков Италии, которые также выступали за мир и поддерживали Менелика, но единственным их противником (то есть, условно «разумных» итальянцев и Менелика) является Криспи, который все еще думает о продолжении войны [27]. В номере от 31 января появляется религиозный аспект в риторике Менелика [ранее автор уже обращался к этой теме, 28] – в его письме королю Италии Умберто I сообщалось, что он [Менелик] «опечален тем, что христиане проливают кровь христиан, а потому желает вступить в переговоры о заключении мира» [29]. Схожие по смыслу сообщения можно обнаружить и в номере от 2 февраля – Менелик не хочет крови христиан, но будет защищать свой народ [30]. В номере от 5 февраля в газете перепечатали манифест Менелика, который, по сообщению автора, был опубликован еще осенью. В нем подчеркивается нежелание войны, но при этом указывается ее необходимость ради защиты своей страны [31].

После того как стало ясно, что мир не будет заключен, к привычным новостям о миролюбии Менелика добавились разделы о воинственности Криспи. Так, уже в номере от 7 февраля, где вновь сообщалось о том, что освобождение итальянских солдат при Мэкэле было знаком мира и христианской любви, указывалось и то, что итальянцы никак не ответили на это сообщение, а только активнее начали готовится к продолжению войны [32]. Подобные мысли выражались и в следующих номерах, где указывалось, что в продолжении войны виновата итальянская сторона [33, 34, 35, 36]. Особенно яркая оценка в номере от 24 февраля, где данная война рассматривалась как «желание г. Криспи играть в Бисмарка…», а конца войны не будет того момента, по мнению автора, пока народ не отдаст «последний сольд из своего кармана» и не снимет с плеч «последнюю дырявую рубаху» [37].

Рассмотрим публикации, где авторы обращались напрямую к «Рыцарству» Менелика, отразившемуся в его милосердном отношении к итальянским солдатам. В публикации от 30 января автор комментировал сообщения итальянского официоза, который сообщал, что расы Менелика не подчиняются ему (традиционный стереотип, который был рассмотрен выше) и хотели бы убить итальянских военных, которых вывели из Мэкэле. Автор «Нового времени» точно не знал как на это реагировать, так как информации немного, но в «рыцарском образе действий» Менелика и Мэконнына не сомневался [38] В номере от 1 февраля появилась большая статья, в которой сообщалось, что итальянские военные под надзором эфиопских войск дошли до своего лагеря, а также указывалось: «Негус Менелик и рас Мэкконын показали себя настоящими рыцарями…», так как полностью исполнили свое обещание. При этом автор уточнял, что их «рыцарский образ действий» находился в прямой зависимости от их военных планов [39] (после этого эфиопская армия заняла более удобные позиции).

Особый интерес представляет собой заметка в номере от 5 февраля, где представлены воспоминания итальянских военных, которых сопровождали войска Менелика до главного лагеря. Военный врач Моццети рассказывал, что он перевязывал раненного Раса Мангашу и он [Мангаша] отнесся к нему с уважением и «поклялся в вечной дружбе». Итальянские офицеры высоко отзывались об уровне подготовки артиллеристов противника, а когда эфиопский отряд сопроводил итальянцев до точки, то его командир сказал Гальяно (командовавшему гарнизонном крепости Мэкэле): «Да хранит Бог тебя и твоих» [31]. Эта заметка дает крайне положительную характеристику и рядовым эфиопам, а не только Менелику, демонстрируя, что они не варвары, а достойные соперники. В этом статья перекликается с рассмотренной выше заметкой от 15 января.

Итак, публикации, связанные со вторым этапом существования «рыцарского» стереотипа, на этом заканчиваются. В этот период впервые к Менелику в российской консервативной печати применяется само слово «Рыцарь», а те составляющие стереотипа, которые возникли на первом этапе, получают дальнейшее развитие. Во-первых, если раньше Менелика представляли как государя желающего мира, то теперь к этому добавилась идея христианской любви Ме-

нелика даже к его врагам, итальянцам. Во-вторых, усиливается противопоставление Менелика и Франческо Криспи. Особенно интересно такое противопоставление с учетом того, что императора Эфиопии изображают как «Рыцаря», а премьер-министра Италии как злодея, разоряющего Италию и действующего против народных интересов. В-третьих, если раньше Менелик продвигал свою позицию в Европе через агентов и публикации в печати, то теперь к этому добавились и яркие жесты, которые демонстрировали его благородство (прежде всего, освобождение итальянских военных в Мэкэле). В-четвертых, цивилизованность и «Рыцарство» Менелика раньше отражалось в почтении эфиопских солдат к погибшему противнику, а на этом этапе уважительное отношение фиксируется и к живым солдатам и офицерам врага.

Последний этап существования «Рыцарского» стереотипа в период итало-эфиопской войны приходится на время с поражения итальянских войск в битве при Адуа до заключения мирного договора в Аддис-Абебе. Вполне вероятно, его можно проследить и дальше, но наша работа ограничена избранными хронологическими рамками – 1895-1896 годы. Характерной чертой этого этапа существования стереотипа является определенное «торжество» «Рыцаря» Менелика над его противником, так как в следствии поражения при Адуа Франческо Криспи был вынужден подать в отставку и были начаты мирные переговоры.

До момента заключения мирного договора было несколько моментов, когда, в связи с политическими событиями, журналисты уделяли большее внимание этой теме. Между этими событиями были длительные промежутки, в которые авторы практически забывали о теме.

Так, первый взрыв интереса начинается сразу после поражения итальянских войск при Адуа. В номере от 7 марта автор, комментируя неуказанные новости, рассуждает о том, что Эфиопия и итальянские колонии погружаются в хаос, а период «Рыцарства» сменился «периодом взаимного уничтожения противников», так как итальянцы начали террор против мирного населения, а эфиопы пытают пленных [41]. Эта публикация крайне интересна, но к этой теме никогда больше не возвращались, указывая на традиционное «Рыцарство» Менелика.

В связи с начавшейся в этот период мирными переговорами в российской консервативной печати была распространена идея того, что итальянцы должны были не только принять условия Менелика (подписав «почетный и справедливый мир» [46]), но и полностью отказаться от своих колониальных владений [42, 43, 44]. В публикации от 12 марта вновь подымалась мысль о том, что Менелик не хотел крови христиан и смерть многих единоверцев далась ему с трудом, тогда как он сам хочет все также мира [45]. В публикации от 18 марта «Рыцарство» Менелика демонстрировалось тем, что он, показав итальянскому послу свою многочисленную армию и большие запасы провианта, призвал не продолжать войну, так как она будет бессмысленной [47] (это самый нестандартный пример «Рыцарства» из всех рассмотренных ранее). В статье от 2 апреля автор, критикуя газету «Tribuna» Франческо Криспи, указывал, что обвинения эфиопов в жестокости необоснованны, в то время как сами эфиопы показали себя «Рыцарями» и заботились о своих противниках [48].

Довольно обстоятельная статья, посвященная африканской политике, опубликована 21 марта. В ней идет серьезная критика европейского колониализма, его жестокостей по отношению к коренному населению и безразличию европейцев из-за того, что в африканцах они не видят людей. Особое значение в этой ситуации имеет победа Менелика при Адуа, так как он показал европейцам, что их могут победить и что африканцы могут за себя постоять. Менелик сопоставляется с Петром I, а Адуа с Полтавой, что представляет собой крайне интересное сравнение. Если в европейской мысли именно Петра считали тем, кто ввел Россию в число европейских цивилизованных держав, то Менелик занимает здесь схожую роль – до него Эфиопия воспринималась исключительно как варварская страна, но, благодаря его политике, он стал главным уже цивилизованным государем своей державы, «Рыцарем», который ведет свой народ по «пути так называемой европейской цивилизации; на горе свое или на счастье – это уже другой вопрос…» [49]. Это можно считать продолжением развития стереотипа о «Рыцаре», как о цивилизованном правителе.

Довольная схожая по духу публикациям «Нового времени» статья представлена в журнале «Русский вестник», где особое внимание уделялось «Рыцарству» Менелика и его заботе о пленных: «Бронзовый человек оказался гораздо великодушнее белого» [50, с.351].

После этого в печати вновь на долгое время уходит тема итало-эфиопских отношений, а возвращаются к ней, когда итальянские войска оставили добровольно крепость Адиграт силам Менелика. В печати вновь начались рассуждения о том, что война вступает в активную фазу. Уже в номере от 28 апреля пришли известия, что мирные переговоры были прерваны итальянской стороной, и, хотя столкновения не начались, но российские журналисты обратили пристальное внимание на сложившуюся ситуацию, регулярно демонстрируя «Рыцарство» Менелика. Некоторые публикации были и до этого, но они единичны [51]. Новый прилив интереса приходится на период после 22 мая (полноценно его можно проследить с середины июня до середины июля), когда было заключено перемирие между сторонами конфликта.

В статье от 11 мая отмечалось миролюбие Менелика и его подчиненных, в связи с тем, что он позволил итальянским войскам забрать всех своих солдат с оружием из крепости Адиграт, не оставляя пленных и заложников. Схожая по своему объему статья приходится на 18 мая, где указывается, что Менелик особенно заботится о пленных итальянцах, что, опять же, демонстрирует его с положительной стороны [52].

С этого момента большую роль в формировании положительного образа Менелика и Эфиопии начал играть Н. С. Леонтьев [См. подробнее в 53], русский авантюрист, который смог добиться авторитета у самого императора и был одним из его советников. В это время он находился в Эфиопии и присылал свои статьи в европейские журналы, в том числе и «Новое время». Первая его подробная статья приходится на 13 мая. В ней представлены одни из самых ярких оценок «Рыцарства», которая объединяет в себе все ключевые составляющие стереотипа – миролюбие, милосердие и цивилизованность. Так, о цивилизованности он рассуждал: «Абиссинцы – рыцари и джентльмены; сильно ошибаются те, кто смотрит на них как на дикую, варварскую толпу! Следовало бы отнести это мнение к итальянцам, которые до сих пор, кроме бездушия и непонятной трусости здесь не проявили» [54]. Такая смена сторон (европейцы – варвары, а эфиопы – рыцари) обострялась автором еще и тем, что именно к итальянцам применяются такие термины как «орды», которые использовал итальянский официоз для описания армии Менелика. В отношении милосердия эфиопов Леонтьев заявлял: «Абиссинцы в обращении с пленными …. стараются проявлять наивысшую гуманность и христианство» [54]. В этой же статье автор приводил ряд писем Негуса-негести и итальянцев к его расам, чтобы продемонстрировать дополнительно подлость европейцев через их интриги, однако сказать, насколько эти письма были реальны, сложно. Также интерес представляют здесь рассуждения автора о «Рыцарстве» всего народа, а не только его вождей.

В номере от 14 июня передается основная мысль Менелика, которую он представил в своем манифесте, изданном по его возвращению в столичный регион (Шоа), о том, что он согласен отпустить всех пленных, но только если будет подписано мирное соглашение. В номере от 15 июня французский корреспондент газеты «Temps», находящийся в Эфиопии, передавал, как хорошо эфиопы и Менелик отнеслись к итальянским пленным, которых привели в столицу. Они ели вместе с воинами императора, местные жители одевали их и кормили, всех обеспечили достойным кровом, а итальянские офицеры питались за одним столом с императором. Ко всему этому автор «Нового времени», перепечатавший эту статью, добавлял: «Из неё (статьи, т.е.) читатели увидят какими прекрасными, сердечными качествами отличаются абиссинцы» [55].

Поступок Менелика, который был описан в номере от 20 июня, должен был не только показать «Рыцарство» Менелика, но и его особое отношение к России, так как Негус-негести в честь коронации императора Николая II отпустил 50 пленных итальянцев на родину [56]. Впоследствии никто не смог добиться освобождения большего числа пленных до заключения мирного договора, даже посланник Папы Римского.

В статье от 4 июля вновь была перепечатана статья из газеты «Temps», вероятно, того же корреспондента. В ней он брал интервью у самого Менелика, где узнавал почему он поступил именно так, а не иначе. По поводу хорошего отношения к пленным он заявил, что относиться гуманно к врагу совершенно естественно для эфиопа. Он также знает, что его старались изобразить как дикаря, но при этом он был тронут сочувствием и симпатией к нему европейцев из разных стран. В качестве примера он показал многочисленные письма поддержки, которые ему присылали европейцы. Особенно интересно, что многие письма присылали люди из стран, бывших в сложных отношениях с Италией – французы, швейцарцы, итальянофобы из Триеста, оппозиционеры и т.д [57]. Статья в отношении «Рыцарского» стереотипа замечательная, потому что ситуация представляется так, что «Рыцарство» Менелика это не его исключительное свойство, а явления характерное для эфиопского народа. А сам император дополнительно показан как образованный и цивилизованный государь, который самостоятельно следит за всеми последними новостями Европы, а его делу сочувствует множество людей.

В номере от 17 июня вновь представлена статья Н. С. Леонтьева, однако в ней он больше касается тактики Менелика в период Адуанского сражения, но при этом вновь указывал на его милосердное отношение к пленным и высокий уровень образованности [58]. В этом же номере вновь перепечатывается статья из «Temps», где корреспондент рассуждал о «Рыцарстве» эфиопов, представлял императрицу Таиту как добрую государыню, а печать, изображающую эфиопов как дикарей, жестко критикует [58]. В следующем номере Н. С. Леонтьев вновь отмечает, что Менелик не просто отпустил 50 пленных итальянцев, но снабдил их припасами и деньгами, а также обеспечил им безопасный путь до порта, откуда они смогут отправиться домой. Сам же Леонтьев примет участие в этом сопровождении [59].

Следует выделить ряд публикаций, в которых прежние идеи о «Рыцарстве» вновь подымались, но они являются повторением того же, что было раньше и не представляют особенного интереса, хотя свидетельствуют об упрочении стереотипа в российской консервативной публицистике. Рост интереса к теме происходил на фоне политического обострения по причине ареста итальянцами корабля «Дельвик», на котором везли новое оружие для армии Менелика. В статьях поднималась тема необходимости для итальянцев подписать мир на справедливых условиях Менелика [60, 61, 62, 66], а также подчеркивалось милосердное отношение к пленным со стороны эфиопов [63, 64, 65, 67]. Единственное, что стоит отметить особенно, это заметка в номере от 26 августа, где передаются оценки эфиопов от вернувшихся из плена итальянцев как справедливых и милосердных по отношению к ним людей [63]. В некотором смысле, можно даже сказать, что освобождение части пленных Менеликом сработало дополнительно в деле формирования его положительного образа в европейской печати, так как бывшие пленники (их мнение более авторитетно, чем позиции разных корреспондентов и т.д.) начали хвалить «Рыцарство» императора.

После этой публикации вновь интерес к теме пропал на долгое время, но стоит выделить ряд промежуточных, однако важных выводов. В «Новом времени» стали гораздо чаще обращаться к французским публикациям, в которых выражена близкая отечественным авторам позиция, а также Н. С. Леонтьев, который и раньше был в Эфиопии и даже имел несколько публикаций в газете, начал выполнять роль полноценного корреспондента газеты в стране (в рассматриваемый период, практически, единственного, но вскоре появились еще члены отряда Российского красного креста).

Новая волна публикаций по теме приходится на ноябрьские номера, когда начали приходить известия о заключении мирного договора.

В прямой взаимосвязи находятся статьи от 6 и 13 ноября, связанные с деятельностью Папы Римского по освобождению военнопленных. Папа просил отпустить всех, чтобы окончательно показать себя всему цивилизованному миру как государя милосердного, так как его дела уже «возвеличили и прославили Менелика в глазах целого света…» [68]. Так, мы видим, что даже на уровне Святого Престола император имел очень добрую репутацию. Однако на эту

просьбу Менелик отпустил только двух пленных. Так как статья является комментарием Н. С. Леонтьев на эти события, то он видит причину такого хода в том, что для Негуса-негести Папа не является авторитетом, в отличие от российского монарха (на его коронацию было отпущено 50 пленных). Тем не менее уже в статье от 13 ноября Папа Римский давал иное объяснение произошедшему. Официальный орган Ватикана перепечатал письмо Негуса-негести Папе и, согласно ему, Менелик с большим уважением относится к миротворческому желанию Святого Престола и хотел бы отпустить всех пленных, но единственной угрозой этому является итальянское правительство, которое постоянно срывает переговорный процесс. Так, Менелик был представлен очередной раз как «Рыцарь», а действующий премьер-министр Италии негативно, так как он является причиной «горю матерей и жен этих пленников» [70].

На эту последнюю волну публикаций приходятся другие статьи, демонстрирующие гуманность эфиопов и их заботу об итальянцах. Особый интерес представляет участие Менелика вместе с русским хирургами из отряда Красного креста в проведении хирургических операций некоторым итальянским пленным. Другого солдата он отпустил из плена после получения особенно трогательного письма от его матери [69]. Эти комментарии показывают Менелика не только как «Рыцаря», но и как человека, который имеет человеческое сочувствие к врагу и интересуется работой специалистов (в данном случае, медиков). В более поздней заметке приводятся воспоминания вернувшего из плена поручика Мадья. Согласно его рассказу, Менелик любит итальянцев и Италию, а война была начата министрами. Император ежедневно посещал пленных и со всеми обходился очень хорошо, говоря каждому добрые слова. Именно поэтому, вернувшись на Родину и увидев, что пишет об Эфиопии итальянская пресса он был глубоко возмущен «гнусной клеветой против абиссинцев» [72].

Уже в номере от 17 ноября есть информация об окончательном заключении мира между странами, но отсутствуют оценки данного события [71]. В статье от 27 ноября приводится заключительная статья Н. С. Леонтьева, в которой он последний раз (в рассматриваемый период) обращался к теме «Рыцарства»: «…император Менелик остался на высоте своего положения и верным своему всегдашнему девизу: извлекать наибольшие выгоды для своей страны, оставаясь в то же время всегда **рыцарем без страха и упрека** *(выделено авторами – И. Т. и М. О)*» [73].

Подводя итоги последнего этапа развития «Рыцарского» стереотипа, стоит указать, что в связи с его продолжительностью (гораздо больше первых двух) несколько осложняется его анализ. Тем не менее, стоит выделить те составляющие стереотипа, которые были обозначены еще ранее. Во-первых, оценки стремления Менелика к миру, практически, остались без каких-либо серьезных изменений. Единственное, что его условия трактовались сугубо как справедливые, как и для Эфиопии, так и для Италии, которые необходимо принять. Во-вторых, в третий этап Менелик начал предпринимать еще более активное участие в жизни европейской прессы, благодаря не только работе со своими агентами, но и с корреспондентами французских, итальянских и русских газет. Особое значение в этом играла газета «Temps» и публикации Н. С Леонтьева в газете «Новое время». В-третьих, противопоставление «Рыцаря» Менелика и «Злого гения» Криспи, практически, сошло на нет, а если указывался противник мира, то в лице безликих «министров». В-четвертых, особый акцент в описании милосердия Менелика был сделан на его гуманное отношение к пленным, на заботу о них т.д. В-пятых, к теме «дикости» или «варварства» Менелика и, особенно, его народа уже не возвращались, а оценка эфиопов как высококультурных и цивилизованных людей стала стабильной. Особенно интересно, что отечественные авторы все чаще обращали внимание на императора не только как на «Рыцаря» и государя, но и как на человека со своими личными интересами (следит за прессой и использует ее в своих целях, образованный, наблюдает за работой медиков и т.д.) и чувствами (искренне сочувствует пленным, следит за почтой и беспокоится о судьбе итальянцев). Даже если в действительности это было не так, то в данном случае важно, что такой образ Менелика должен

был сложиться у читателя, постоянно следившего за итало-эфиопским конфликтом в середине 1890-х годов.

4. Заключение

Таким образом, мы проанализировали развитие стереотипа о «Рыцарстве» Менелика II с момента начала войны и первых публикаций по теме до заключения мирного договора. Было выделено три этапа жизни данного стереотипа, в которые он постепенно усложнялся. Также был обозначен ряд ключевых составляющих стереотипа – миролюбие, милосердие и цивилизованность. В первый этап, когда сам термин «Рыцарь» еще не применялся в описании, ключевую роль играла тема миролюбия Менелика. Хотя цивилизованность и уважение к врагу также уже прослеживались, но публикации, связанные с ними, были единичны. В этот же период зарождается противопоставление Менелика и Франческо Криспи. Во второй этап обозначенные составляющие стереотипа получили новый виток развития и, прежде всего, в этот этап начало применяться само слово «Рыцарь» для описания Менелика. К миролюбию Менелика добавилось особое христианское чувство, так как теперь нежелание войны обосновывалось тем, что будет проливаться «кровь христиан». Милосердие и цивилизованность Менелика во второй этап связывались уже с тем, что итальянский гарнизон крепости Мэкэле был отпущен и никто из них не пострадал, а сами эфиопы отнеслись с уважением к рядовым солдатам и офицерам врага. Противопоставление Менелика-«Рыцаря» и Криспи-«Злого гения» только усиливалось, так как премьер-министра Италии представляли как единственного противника мира. В последний, третий этап жизни стереотипа, происходят значительные перемены – конфликт с Крсипи завершен (в связи с его отставкой), а основное внимание в «Рыцарском стереотипе» переходит от миролюбия к милосердию и цивилизованности Менелика и его народа (такой акцент на достоинствах эфиопов также является характерным признаком третьего этапа). Ключевым событием, демонстрирующим «Рыцарство», стало содержание итальянских пленных в лагере Менелика, где о них особенно заботились и опекали, о чем рассказывали итальянцы, вернувшиеся на Родину из плена.

Мы предполагаем, что можно проследить дальнейшее развитие стереотипа о «Рыцарстве» Менелика в последующих публикациях как в периодической печати, так и в полноценных работах об Эфиопии, которые выходили до конца XIX века в России. Однако это предмет дальнейших наших исследований.

Список источников и литературы

1. Поршнева, А. С. (2014). *Историческая имагология в современной российской историографии* // Бакунинские чтения: индустриальная модернизация Урала в XVIII-XXI вв. Екатеринбург: УМЦ УПИ. С. 126-129.

2. Лапина, Л. А. (2019). *Историческая имагология: проблема методов и категорий* // Ученые записки Орловского государственного университета. № 4. С. 28-32.

3. Урядова, А. (2020). *Историческая имагология: субъект и объект восприятия* // Przegląd wschodnioeuropejski. XI/2. С. 167-174.

4. Орлова, Е. И. *(2008). Формирование культуремы рыцарственности в романтизе XIX в. //* Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 8. С. 57-61.

5. Русский инвалид. 1895. 8 октября.

6. Русский инвалид. 1895. 29 ноября

7. Русский инвалид. 1895. 30 ноября

8. Русский инвалид. 1895. 1 декабря

9. Русский инвалид. 1895. 6 декабря

10. Русский инвалид. 1895. 12 декабря

11. Русский инвалид. 1895. 15 декабря

12. Русский инвалид. 1895. 19 декабря

13. Русский инвалид. 1895. 23 декабря
14. Русский инвалид. 1896. 4 января
15. Русский инвалид. 1896. 19 января
16. Новое время. 1895. 11 декабря.
17. Новое время. 1895. 18 декабря
18. Новое время. 1895. 21 декабря.
19. Новое время. 1895. 24 декабря.
20. Морозов, Е. М. (2019). *Проблема заключения Уччиальского договора 1889 г. // COLLOQUIUM-JOURNAL. № 23-5. С. 49-50.*
21. Новое время. 1896. 15 января.
22. А. К. (1896). *На театре войны итальянцев с абиссинцами* // Новое время. 24 января.
23. Цыпкин, Г. В., Ягья, В. С. (1989). *История Эфиопии в Новое и Новейшее время*. Москва: Наука. 405 с.
24. Новое время. 1896. 25 января.
25. Новое время. 1896. 26 января.
26. Новое время. 1896. 27 января.
27. Новое время. 1896. 28 января.
28. Шашков, М. О. (2024). *Религиозный фактор в оценке российской общественностью Первой итало-эфиопской войны 1895-1896 гг. (по материалам периодической печати)* // Белгородский диалог – 2024. С. 113-115.
29. Новое время. 1896. 31 января.
30. Новое время. 1896. 2 февраля.
31. Новое время. 1896. 5 февраля.
32. Новое время. 1896. 7 февраля.
33. Новое время. 1896. 19 февраля.
34. Новое время. 1896. 24 февраля.
35. Новое время. 1896. 29 февраля.
36. Новое время. 1896. 3 марта
37. Вьючин (1896). *Рим (корреспонденция «Нового времени»)* // Новое время. 24 февраля
38. Новое время. 1896. 30 января.
39. Новое время. 1896. 1 февраля.
40. Новое время. 1896. 19 февраля.
41. Новое время. 1896. 7 марта.
42. Новое время. 1896. 8 марта.
43. Новое время. 1896. 9 марта.
44. Новое время. 1896. 10 марта.
45. Новое время. 1896. 12 марта.
46. Новое время. 1896. 15 марта.
47. Новое время. 1896. 18 марта.
48. Новое время. 1896. 2 апреля.
49. (1896). Африка // Новое время. 21 марта.
50. Дембовский Л. М. (1896). *Африканские похождения итальянцев* // Русский вестник. № 4. С. 347-351.
51. Новое время. 1896. 19 апреля.
52. Новое время. 1896. 18 мая.
53. Хренков, А. В. (2024). *Поручик Н. С. Леонтьев – генерал-губернатор экваториальных провинций Эфиопии* // Русские в Африке: путешественники, разведчики, авантюристы. Москва: СОЛОН-Пресс. С. 119-156.
54. Леонтьев, Н. (1896). *Битва при Адуа* // Новое время. 13 мая.

55. Новое время. 1896. 14 июня.
56. Новое время. 1896. 20 июня.
57. Новое время. 1896. 4 июля.
58. Н. Л. (1896). *Из лагеря Негуса* // Новое время. 17 июля.
59. Н. Л. (1896). *Из Абиссинии* // Новое время. 18 июля.
60. Новое время. 1896. 15 августа.
61. Новое время. 1896. 19 августа.
62. Новое время. 1896. 24 августа.
63. Новое время. 1896. 26 августа.
64. Новое время. 1896. 9 сентября.
65. Новое время. 1896. 11 сентября.
66. Новое время. 1896. 12 сентября.
67. Новое время. 1896. 17 сентября.
68. Новое время. 1896. 6 ноября.
69. Новое время. 1896. 7 ноября.
70. Новое время. 1896. 13 ноября.
71. Новое время. 1896. 17 ноября.
72. Новое время. 1896. 25 ноября.
73. Н. Л. (1896). *Абиссино-итальянский мир* // Новое время. 27 ноября.

References

1. Porshneva, A. S. (2014). *Istoricheskaja imagologija v sovremennoj rossijskoj istoriografii* // Bakuninskie chtenija: industrial'naja modernizacija Urala v XVIII-XXI vv. Ekaterinburg: UMC UPI. S. 126-129. (in Russian).
2. Lapina, L. A. (2019). *Istoricheskaja imagologija: problema metodov i kategorij* // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. № 4. S. 28-32. (in Russian).
3. Urjadova, A. (2020). *Istoricheskaja imagologija: sub#ekt i ob#ekt vosprijatija* // Przegląd wschodnioeuropejski. XI/2. S. 167-174. (in Russian).
4. Orlova, E. I. (2008). *Formirovanie kul'turemy rycarstvennosti v romantize XIX v.* // Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. № 8. S. 57-61. (in Russian).
5. Russkij invalid. 1895. 8 oktjabrja. (in Russian).
6. Russkij invalid. 1895. 29 nojabrja. (in Russian).
7. Russkij invalid. 1895. 30 nojabrja. (in Russian).
8. Russkij invalid. 1895. 1 dekabrja. (in Russian).
9. Russkij invalid. 1895. 6 dekabrja. (in Russian).
10. Russkij invalid. 1895. 12 dekabrja. (in Russian).
11. Russkij invalid. 1895. 15 dekabrja. (in Russian).
12. Russkij invalid. 1895. 19 dekabrja. (in Russian).
13. Russkij invalid. 1895. 23 dekabrja. (in Russian).
14. Russkij invalid. 1896. 4 janvarja. (in Russian).
15. Russkij invalid. 1896. 19 janvarja. (in Russian).
16. Novoe vremja. 1895. 11 dekabrja. (in Russian).
17. Novoe vremja. 1895. 18 dekabrja. (in Russian).
18. Novoe vremja. 1895. 21 dekabrja. (in Russian).
19. Novoe vremja. 1895. 24 dekabrja. (in Russian).
20. Morozov, E. M. (2019). *Problema zakljuchenija Uchchial'skogo dogovora 1889 g.* // COLLOQUIUM-JOURNAL. № 23-5. S. 49-50. (in Russian).
21. Novoe vremja. 1896. 15 janvarja.
22. A. K. (1896). *Na teatre vojny ital'jancev s abissincami* // Novoe vremja. 24 janvarja.

23. Cypkin, G. V., Jag'ja, V. S. (1989). Istorija Jefiopii v Novoe i Novejshee vremja. Moskva: Nauka. 405 s. (in Russian).
24. Novoe vremja. 1896. 25 janvarja. (in Russian).
25. Novoe vremja. 1896. 26 janvarja. (in Russian).
26. Novoe vremja. 1896. 27 janvarja. (in Russian).
27. Novoe vremja. 1896. 28 janvarja. (in Russian).
28. Shashkov, M. O. (2024). *Religioznyj faktor v ocenke rossijskoj obshhestvennost'ju Pervoj italo-jefiopskoj vojny 1895-1896 gg. (po materialam periodicheskoj pechati)* // Belgorodskij dialog – 2024. S. 113-115. (in Russian).
29. Novoe vremja. 1896. 31 janvarja. (in Russian).
30. Novoe vremja. 1896. 2 fevralja. (in Russian).
31. Novoe vremja. 1896. 5 fevralja. (in Russian).
32. Novoe vremja. 1896. 7 fevralja. (in Russian).
33. Novoe vremja. 1896. 19 fevralja. (in Russian).
34. Novoe vremja. 1896. 24 fevralja. (in Russian).
35. Novoe vremja. 1896. 29 fevralja. (in Russian).
36. Novoe vremja. 1896. 3 marta. (in Russian).
37. V'juchin (1896). *Rim (korrespondencija «Novogo vremeni»)* // Novoe vremja. 24 fevralja. (in Russian).
38. Novoe vremja. 1896. 30 janvarja. (in Russian).
39. Novoe vremja. 1896. 1 fevralja. (in Russian).
40. Novoe vremja. 1896. 19 fevralja. (in Russian).
41. Novoe vremja. 1896. 7 marta. (in Russian).
42. Novoe vremja. 1896. 8 marta. (in Russian).
43. Novoe vremja. 1896. 9 marta. (in Russian).
44. Novoe vremja. 1896. 10 marta. (in Russian).
45. Novoe vremja. 1896. 12 marta. (in Russian).
46. Novoe vremja. 1896. 15 marta. (in Russian).
47. Novoe vremja. 1896. 18 marta. (in Russian).
48. Novoe vremja. 1896. 2 aprelja. (in Russian).
49. (1896). Afrika // Novoe vremja. 21 marta. (in Russian).
50. Dembovskij L. M. (1896). *Afrikanskie pohozhdenija ital'jancev* // Russkij vestnik. № 4. S. 347-351. (in Russian).
51. Novoe vremja. 1896. 19 aprelja. (in Russian).
52. Novoe vremja. 1896. 18 maja. (in Russian).
53. Hrenkov, A. V. (2024). *Poruchik N. S. Leont'ev – general-gubernator jekvatorial'nyh provincij Jefiopii* // Russkie v Afrike: puteshestvenniki, razvedchiki, avantjuristy. Moskva: SOLON-Press. S. 119-156. (in Russian).
54. Leont'ev, N. (1896). *Bitva pri Adua* // Novoe vremja. 13 maja. (in Russian).
55. Novoe vremja. 1896. 14 ijunja. (in Russian).
56. Novoe vremja. 1896. 20 ijunja. (in Russian).
57. Novoe vremja. 1896. 4 ijulja. (in Russian).
58. N. L. (1896). *Iz lagerja Negusa* // Novoe vremja. 17 ijulja. (in Russian).
59. N. L. (1896). *Iz Abissinii* // Novoe vremja. 18 ijulja. (in Russian).
60. Novoe vremja. 1896. 15 avgusta. (in Russian).
61. Novoe vremja. 1896. 19 avgusta. (in Russian).
62. Novoe vremja. 1896. 24 avgusta. (in Russian).
63. Novoe vremja. 1896. 26 avgusta. (in Russian).
64. Novoe vremja. 1896. 9 sentjabrja. (in Russian).
65. Novoe vremja. 1896. 11 sentjabrja. (in Russian).

66. Novoe vremja. 1896. 12 sentjabrja. (in Russian).
67. Novoe vremja. 1896. 17 sentjabrja. (in Russian).
68. Novoe vremja. 1896. 6 nojabrja. (in Russian).
69. Novoe vremja. 1896. 7 nojabrja. (in Russian).
70. Novoe vremja. 1896. 13 nojabrja. (in Russian).
71. Novoe vremja. 1896. 17 nojabrja. (in Russian).
72. Novoe vremja. 1896. 25 nojabrja. (in Russian).
73. N. L. (1896). *Abissino-ital'janskij mir* // Novoe vremja. 27 nojabrja. (in Russian).

Вклад авторов

И. Т. Шатохин: разработка концепции статьи, анализ полученных данных, написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.
М. О. Шашков: получение данных для анализа, анализ полученных данных, написание текста рукописи; обзор публикаций по теме статьи.

Authors' contributions

Ivan Shatokhin: writing the text of the manuscript, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.
Mikhail Shashkov: obtaining data for analysis, analyzing the data obtained, writing the text of the manuscript, reviewing publications on the topic of the article.